

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

«СТРАДАНИЯ В КЕШАНЕ» ИЗЗЕТА МОЛЛЫ

Роман-путешествие «Mihnetkeşan» (1824/5 г.)¹ занимает особое место в истории турецкой литературы. Он знаменует собой, в известной мере, завершение переходного этапа от литературы средневекового типа к литературе нового времени, сходной на начальном этапе с просветительской и часто все еще называемой литературой Танзимата. В этом произведении сплетаются традиционные черты и новые веяния, что делает его весьма интересным для изучения.

За немногими исключениями² турецкая, равно как и западная, наука не уделяла должного внимания этой книге. В. С. Гарбузова верно заметила, что имя этого писателя незаслуженно забыто и у нас. Она посвятила ему специальный доклад, где впервые выдвинула гражданскую тему как один из основных аспектов в изучении творчества Иззета Моллы,³ а позднее наметила пути раскрытия этой темы.⁴

Созданное в основном в форме месневи, объемом около восьми тысяч бейтов, сочинение Иззета Моллы в жанровом отношении можно назвать романом-путешествием. Сюжетными рамками повествования служат события, связанные с вынужденным отъездом автора из столицы в г. Кешан (Восточная Фракия), пребыванием там и возвращением домой, в Стамбул.⁵ В эти рамки автор сумел включить много самых разных по содержанию и объему эпизодов и вставных рассказов, письма и документы, подлинные и вымышленные, пейзажные и портретные зарисовки, жанровые сценки и пр. Каждая из этих частей озаглавлена по-турецки или по-персидски в соответствии с содержанием или использованной здесь стихотворной формой (касыда, газель и т. д.). Такая структура определялась, видимо, желанием автора вместить в одно сочинение большой и разнообразный материал, и, надо признать, это ему удалось. Однако обратим внимание на помещенный в конце сочинения тарих (хронограмму), где в заключительных строках читаем: «„Михнет Кешан“ собрал воедино Хюсам; Набело переписал Вахид. . .» (235, 14). Здесь Иззет Молла называет своих помощников, и это никак не умаляет его авторства. Но турецкая исследовательница Ф. А. Тансель делает прямо противоположное

заключение, как можно понять из контекста, в котором она поместила в своей статье процитированный бейт.⁶ С нашей точки зрения, только Иззету Молле, очевидцу и главному действующему лицу, могла принадлежать композиция книги, создававшейся, несомненно, по частям, в ходе событий.

Восприятию сочинения его современниками помогали традиции «книг путешествий» и мемуаров, без труда прослеживаемые здесь буквально с первых страниц. В самом деле, «Михнет Кешан» начинается с персидских стихов (месневи в 12 бейтов и мюнаджат в 18 бейтов), прославляющих Аллаха и среди великих мира сего — султана, затем идут стихи в том же духе на двух языках (персидском и турецком), а также молитвы, потом — касыда в честь Махмуда II. Завершается книга подобными же по смыслу и стилю «главами». Все это было привычным для читателя, который, вероятно, и не принял бы произведения без обязательных, этикетных (как называет подобные явления в русской литературе Д. С. Лихачев), вступительных и заключительных стихотворений.

Начав должным образом, автор сообщает, что переходит непосредственно к дестану, то есть к поэме, и к описанию скверного, неправильного положения дел в мире: «Начало дестана и жалоба на мир» (с. 13). Вторая половина заголовка «*şikâyet az zaman*» представляет собой вариант «*şikâyet-i zaman*», «*şikâyet-i güzgâr*», «*ahvai-i fena-i güzgâr*» и др.⁷ Так именовались определенного рода стихотворения, издавна известные и туркам; их включали в свои сочинения хронисты и поэты; вспомним имена историка Мустафы Селяники (XVI в.), поэтессы Михри Хатун (XV в.), популярного у турок азербайджанца Физули (XVI в.) и многих других. Эта традиционная форма жалобы на несправедливость судьбы и несправедливые порядки в жизни часто преподносилась авторами в обобщенно-абстрактном виде. Иззет Молла наполнил свои стихи конкретным содержанием, имеющим для него глубоко личное значение, помимо общественного. Собственные беды и несчастья он ставит в прямую зависимость от того, что случилось с его покровителем Халетом эфенди. Правда, называя это имя, поэт, опасавшийся новой кары, порой таким образом строит фразу, что слово 'халет' воспринимается и в его прямом лексическом значении 'положение', 'состояние' (с. 8, стк. 8). Там же, где Иззет Молла объясняет мотивы своего участия в попытке освободить Халета,⁸ он пишет прямо:

Я питался хлебом благоденний Халета,
Я старался спасти ему жизнь.

(с. 9, стк.8)

Однако, как признается он, это, оказывается, означало напрасную борьбу с судьбою (с. 9, стк. 9).

Поэт негодует, что все отвернулись от него, едва он стал опальным. Доказывая свою невиновность, он уверяет, что, будучи

духовным судьей (кади), он не был ни излишне жестоким, ни чрезмерно милосердным. Как положено мусульманину, он спрашивает себя бога, но спрашивает Аллаха:

Что все же я сделал миру?
Разве я притеснял стамбульцев?
Чей дом я разорил?
За что же я повергнут в это бедствие?

(с. 9, стк. 4—5)

В живой разговорной манере, прямой речью он передает толки и пересуды, возникшие едва до людей дошла весть о падении Халета и об изгнании Иззета Моллы. Из того же стихотворения узнаем, что между объявлением султанского решения относительно Халета и вручением поэту указа о высылке прошли долгие пять месяцев. В это время Иззет не показывался в обществе, чтобы избежать травли. Но все было тщетно.

Он видит причину нападков в том, что открыто обличал казнокрадов и похитителей чужой собственности. 'Я поэт справедливый, приверженец истины' (с. 11, стк. 9), — говорит о себе автор. Но он же признается, что 'иногда позволяя себе ошибаться и произносить неправильные слова', а враги доносили об услышанном. Однако сам он не видит в своих высказываниях противодействия государству. Эта мысль подчеркивается неоднократно:

Язык мой побуждал меня к критике, [но]
Мой калем был слишком горд, чтобы творить недоброе.

(с.11, стк. 4)

Такова позиция поэта в его конфликте с сановниками и придворными. 'Приписали мне воображаемую вину. И уволокли насильно Иззета в Кешан (или 'отторгли мою честь')' (с. 11, стк. 2), — жаловался поэт. Кстати сказать, здесь, как и в ряде других стихов, Иззет прибегает к каламбуру: он обыгрывает значение слова, являющегося его личным именем: 'честь, достоинство, почет', а также значение топонимического названия Кешан, означающего в турецком языке 'уволокиваемый, насильственно перетаскиваемый'.

Избранное в качестве сюжетной основы описание путешествия предоставляло автору благодатные возможности для высказывания суждений о жизни страны, быте и нравах общества и позволяло излагать это в свободной увлекательной форме. Последовательность рассказов, видимо, близка к ходу подлинных событий, к тому, что было в действительности. В естественной, географически точной очередности возникают перед читателем картины селений, городов и ряда примечательных мест, которые посетил Иззет, направляясь в Кешан, а также в кратковременных поездках оттуда в близлежащие местности и на обратном пути домой. Все это уже не прежние, заполнявшие средневековую поэзию описания «красивых мест». Здесь представлены зарисовки под-

линной природы Румелии, рассказы об архитектуре и устройстве разных городов — Кешана, Гарма, Сырмы и др., вплоть до крупнейших — Адрианополя, с его дворцами, крытым рынком, знаменитой мечетью султана Селима и проч. Книга Иззета Моллы показывает, что у турок вырабатывается новое отношение к пейзажу в литературном произведении. Очевиднее это станет у более поздних писателей того же столетия.

С подобного рода описаниями, естественно, смыкается показ быта и нравов различных кругов общества. Автор ведет за собой читателя и на пиршество в «высшие» круги кешанского общества, и в дервишеский монастырь в горах, где гостит с друзьями, спасаясь от летней жары, и в усыпальницу чтимого местными жителями святого Азиза, и в монашескую трапезную. Немало ярких бытовых подробностей оживает на страницах книги, где рассказывается о кешанцах, днем соблюдающих великий пост, а ночи проводящих в разгульных пирах, о многих радостных и трагических событиях, связанных с праздником жертвоприношения. Поэт с позиции просвещенного человека неодобрительно отзывается о 'крайностях и излишествах', вообще о взрыве страстей, сопровождавших эти праздники (с. 141—142).

У автора было много встреч в пути и новых знакомств в Кешане. Примечательно в историко-литературном плане, что в повествовании о конкретных личностях в ряде случаев автору удается соединять портретное описание с живой характеристикой данного человека, с рассказом о его жизни. Становятся заметны качественные изменения, отличающие в этом отношении книгу Иззета Моллы от ранее встречавшихся в турецкой литературе жизнеописаний. Можно привести в пример живые, часто сдобренные юмором, иногда грубоватым, «Описание лекаря» (с. 152—154), «Описание караульного, лицом безобразного, скверноголового» (с. 90—91), два «Сказания о шейхе» (с. 41—42).

Иное дело жизнеописание легендарного святого Азиза, сопровождаемое рассказом о его чудесных деяниях (с. 116—120). Это традиционный показ 'почтенной' фигуры, 'возвышенного' героя. Здесь, по-видимому, возможна связь с фольклорной традицией.

Манера описания какой-либо личности прямо зависит от ее положения в обществе и отношений, в которых с нею находится автор. Так, все связанное с рассказом о великом везире Галибе Мехмед-паше (1823—1824), проездом оказавшемся в Кешане, исполнено традиционности, выдержано в высоком парадном стиле и в конце концов выливается в пространную касыду-панегирик (с. 201-208). Для стихов, посвященных правящему султану Махмуду II, характерно использование традиционных приемов изображения царственных особ, «парадных фигур». Здесь панегирические описания ничем не отличаются от подобных панегириков других поэтов. Но без регламентированных приемов было невозможно обойтись, как и без использования обязательных формул благопожеланий и стандартизованных эпитетов при одном упо-

минании султанского имени. В большей мере это сказалось в «житии» султана Махмуда и в месневи (выделенном в особую главу), воспевающим нравственные достоинства монарха (с. 133—136 и 183—187). «Служебная» функция панегириков, входящих в эту книгу, очевидна. Не забудем, что перед нами не рассказ о приятном путешествии, а описание ссылки по политическим мотивам. Все пронизано горьким сознанием несправедливости наказания, улавливается не покидающая автора мысль о необходимости добиться скорейшего возвращения домой. Это — главное, что выступает за всеми рассказами о будничных событиях и встречах.

В книге значительное место отведено взаимоотношениям Иззета Моллы с Талаат-пашой, сановником, не чуждым поэзии. Они познакомились через Хюсейна эфенди, уже известного автору ранее по совместной службе в Бурсе, а в описываемое время тоже отбывавшего ссылку сравнительно близко от тех мест — в Гелиболу (Галлиполи). Вскоре после приезда в Кешан у Иззета Моллы завязалась переписка с Талаатом. В книге приводится по пяти писем каждого из них. Эти корреспонденции в стихах, вероятно, далеко отходят от подлинных, некогда существовавших. Лишь одно «Слезное письмо» (*Nem al mektub*, с. 60—62) примечательно тем, что после 14 бейтов текст продолжается в прозе (25 строк) и завершается полной подписью: Кечеджизаде Мехмед Иззет. Можно предположить, что последняя часть послания цитируется документально точно. Именно этим письмам уделено особое внимание (среди других, единичных, от великого везира Али-паши Янинского, адрианопольского губернатора Самипаши, адмирала Мустафы-паши и др.). Свои ответы Иззет не приводит. Вообще же в эпистолярной форме написана довольно значительная часть книги. Главным предметом переписки были просьбы поэта о помиловании и отношении к этому султана и двора. Можно полагать, что эти же вопросы обсуждались и в личных беседах Иззета и Талаат-паши, когда тот прибыл в Кешан. Все это описано подробно, с выражением большой симпатии к Талаату, которая, чувствуется, была взаимной.

Другой тон ощущается в рассказе о встречах с видинским губернатором Решидом Мехмед-пашой, который в 1824 г. был назначен сераскером Румелии; осенью 1823 г. по пути из Морей в Видин он остановился на двое суток в Кешане. Как пишет поэт, Мехмед-паша «милостиво обошелся» с ним, пригласил на пиршество, устроенное в честь высокого гостя, и смехом отзывался на остроумные шутки Иззета. Последний попросил походатайствовать за него и, получив согласие, со слезами благодарности простался с везиром.

Ссылный поэт предпринимал и другие шаги (например, писал панегирики султану и влиятельным лицам), чтобы добиться желаемого или, по крайней мере, узнать положение дела. Помилование пришло к исходу первого года.

После недолгих сборов Иззет Молла выехал из Кешана, и обратный путь обрисован им столь же тщательно, как и первоначальный. Затем говорится о приезде в Стамбул (приведена точная дата: 16 февраля 1824 г.), о встрече с друзьями, об аудиенции у султана. Заканчивают книгу молитва и эпилог, посвященный восхвалению падишаха. Таким образом завершается основной конфликт, двигавший развитие сюжета.

Автор не ограничивается показом перипетий личной судьбы. Он видел их тесную связь с рядом явлений в жизни современного ему общества. Она предстает в рассказах о деятелях столичной и провинциальной администрации, о духовенстве, мелком чиновничестве и простых людях. Среди них у писателя были друзья и враги. О последних он пишет в остро сатирической манере. Во многих стихах чувствуется ироническое отношение автора к объекту изображения. Так, на страницах книги появляются яркие картины уродства и «варварства» провинциальной жизни, беззакония властей и проч. (с. 144). Во всем этом закономерно находят свое выражение критичность и прямота суждений, вообще свойственные Иззету. В конце концов именно за это он и поплатился своей жизнью пятью годами позднее.

В свете сказанного представляется неточным суждение Ф. А. Тансель о том, что юмористические и сатирические истории (различного рода бытовые рассказы и др.) введены автором в сочинение, чтобы «избавить „Михнет Кешан“ от однообразия темы».⁹

Порою в стихах Иззета Моллы появляются ноты отчаяния, отзвуки мрачных мыслей о будущем. Тяготило, видимо, и материально плохо обеспеченное существование: иначе поэт не послал бы своего верного слугу Мехмеда в Стамбул продавать и без того скудные, кое-какие остававшиеся пожитки (с. 194, стк. 3).

В месневи можно прочесть выразительные строки:

Люди пресвещенные знают, что такое наше время:
Надолго оно повергает человека в грусть и печаль.

(с. 194, стк. 5)

Но подобные настроения в общем не характерны для Иззета Моллы. Он был натурой скорее оптимистического склада. В личном плане он мог радоваться даже проблеску надежды на освобождение из ссылки, живо откликался и на события, имевшие, с его точки зрения, общественное значение. Он, например, восторженно встретил весть о том, что пост главы турецких медиков в третий раз занял Бехчет эфенди (ум. в 1833), один из ранних турецких просветителей, «пионеров и организаторов медицинского образования в Турции».¹⁰ По поводу его назначения лейб-медиком Иззет Молла сочинил хронограмму (с. 132). Вообще к этому жанру поэт питал явную склонность: он уделил ему много места в своих двух диванах, где насчитывают до 650 тарихов.¹¹ В этой же книге шесть хронограмм отмечают даты кончины

шахзаде Ахмеда, рождения шахзаде Абдульмеджида, аудиенции поэта у султана, завершения месневи «Михнет Кешан» и др.

В этом Иззет Молла следовал традиции, равно как и в использовании формы касыды при создании панегириков. В книгу входят также десять рубаи; половина из них посвящена Талаат-паше, причем все они, кроме одного, написаны по-персидски. Трижды обратился поэт к форме кыт'а (стихи по случаю прибытия в Кешан Талаат-паши и др.), сочинил пять газелей. Есть здесь и «техмис из знаменитых бейтов» и «мерсийе» (см. с. 133—136, 223—226, 154—155, 188—191).

Стихи, при создании которых использованы упомянутые стихотворные формы, включены в одно месневи «Михнет Кешан». Как полагают некоторые исследователи,¹² автор стремился таким путем избежать монотонности одного размера — четырехстопного усеченного мутакариба (fâulün-fâulün-fâulün-fâul) в таком большом месневи. Но, помимо этого, не следует, видимо, забывать, что само содержание требовало той или иной стихотворной формы, которая вызывала у образованного читателя необходимые «жанровые представления», определенный настрой в восприятии стиха.

Иззет Молла также часто обращался и к привычному кругу литературных мотивов. Так, в картинах пиршеств в честь имениных гостей или загородных увеселений появляются получившие большое распространение в средневековой поэзии «Слово к виночерпию», «Наставление виночерпию» — Hitab-ı sakî-i şerab, Hitab-ı sakî, Nasihat-ı sakî (с. 73—74, 170—171, 89—90).

Определенные жанровые формы влекут за собой использование традиционных художественных приемов. Здесь закономерно употребление стандартизованных эпитетов, привычных «закрепленных» метафор и т. п. Например, именем легендарного Асафа поэт метафорически называет везира Решида Мехмед-пашу (с. 197, стк. 11) или неоднократно обыгрывает лексическое значение 'зрелый, умный, идущий верным путем' его же собственного имени. Об этом везире, «достойном эпохи шахиншаха» (с. 197, стк. 16), говорятся:

Если в величии мало подобных ему,
То в храбрости он выше всех, подобно его бунчуку.

(с. 197, стк. 17)

Эти слова относятся к тому, кто тогда командовал султанскими войсками, терпевшими поражение от греческих повстанцев.

Пышные эпитеты и метафоры типа 'лев', 'всадник-дракон' и т. п., естественно, вплетаются в ткань панегирических описаний, гипербола становится самым употребительным художественным приемом. Вот, например, как представлена с первых же строк картина въезда в город того же 'героя' — Решида-паши:

Утром грянул грохот,
От него земля и все вокруг сотрясалось.
Неисчислимые войска заполнили Кешан,

И сердце вмиг все узнало. . .
Тот звук нагнал страху на Небесного Тельца,
И Бык под Землею затрясся.

(с. 197. стр. 5, 6, 8)¹³

Не забывает поэт при случае и традиционные формулы благопожеланий, вроде следующей, султану:

Пусть его величие длится день за днем,
Пусть его слава приводит в смущение Солнце!

(с. 210, стр. 2)

В некоторых разделах книги стихи перемежаются краткими прозаическими вставками. Обычно они построены как одно предложение (иногда — распространенное) в стиле сложной орнаментальной прозы. Автор таким путем как бы подытоживает ранее сказанное стихами, или вкратце излагает содержание последующего раздела, или же связывает части стихотворного рассказа. Можно предположить, что и здесь дает о себе знать традиция, в частности, народных дестанов. Примером могло бы служить большое повествование о любви гречанки к турецкому юноше, слуге Иззета (с. 142—146).

Иззет Молла изыскивал возможность в рамках литературных канонов отзываться на явления живой действительности. Не последнее место в этом принадлежало так называемым вставным рассказам. Включение их в ткань стихотворных и прозаических произведений издавна прослеживается в турецкой литературе.

Вставные рассказы здесь определенным образом сюжетно связаны со всем произведением, но вместе с тем и обладают большой самостоятельностью. Весьма различны по содержанию и разнятся по объему два юмористических рассказа о глупом и плотоядном кешанском имаме (с. 93—94), «Рассказ о любви христианки и волнениях страсти (этой) влюбленной» (с. 142—146, 155—169, 172—175), «Рассказ, написанный Талаат-пашой» (с. 149—150), «Занимательный рассказ об аян-аге» (с. 44), «Удивительный рассказ» (с. 55) и др.

Не только в этих «включениях», но и в повествовательных частях произведения, рисующих путешествие и пребывание в ссылке, видится подлинная Турция того времени, во всем многообразии ее обычаев и особенностей — сама жизнь в ее реальности. Он точно датирует вручение ему султанского указа о немедленном выезде в Кешан — 28 февраля 1823 г. (с. 11, 16—17), затем шаг за шагом описывает последующие события. Слог произведения прост и ясен, лексика в значительной мере освобождена от сложнейших арабских и персидских слов и словосочетаний, вполне понятных лишь знатокам этих языков. При этом автор не чуждается бытовых выражений, иногда — с диалектной окраской, что контрастирует с пышной лексикой панегирических описаний.

Поэтому исследователи причисляют Иззета к выдающимся реформаторам турецкого языка.¹⁴

Лирическая «открытость» автора придает особую доверительность его интонации, напр. когда Иззет Молла рассказывает о своих переживаниях, вызванных отъездом в края, где у него нет «ни друга, ни утешителя, никого» (с. 13, стр. 9). Тоска по дому не покидает поэта. Одну главу в книге он так и назвал: «Отсутствие писем и переживания» (с. 46—47). Чувства его переданы искренне и выразительно. Может быть, нечасто прежде турецкий поэт так открыто высказывал свою нежность к семье. В книге он нашел место и для своих писем к старшему сыну Фуаду (который впоследствии станет известным деятелем турецкого просветительства). Во времена Иззета Моллы такое выражение интимных чувств было весьма непривычно для мусульманского читателя.

Все же новое, отличающее эту книгу, заключено скорее в круге проблем, занимавших ум и сердце писателя, помимо его собственных личных дел. Широта авторских интересов и оценка фактов и явлений с общественных позиций наполняют старый жанр книги путешествий (сейхат-наме) новым содержанием, а также обогащают его в композиционном отношении. «Мозаичность» выступает здесь в соединении черт публицистических, повествовательных, лирических и др. Эпистолярная форма изложения, широко использованная автором, позволяет ему высказывать свои мысли непосредственно, от первого лица.

Все сказанное нами, думается, дает право поставить вопрос, не следует ли именно с «Михнет Кешан» Иззета Моллы начинать счет романам-путешествиям в турецкой литературе?

Избранная автором жанровая форма, как известно, вообще присуща литературам века Просвещения. Хотя Турция первой четверти XIX в. находилась лишь на пути к своему просветительскому этапу, но идеи его уже проникали в турецкое общество и несомненно оказывали воздействие на художников слова. В этом отношении дальнейшее исследование романа-путешествия «Страдания в Кешане» Иззета Моллы, одного из самых оригинальных и знаменательных произведений турецкой литературы своего времени, представляется нам весьма перспективным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ كېچە جى زادە محمد عزت، منظومة المسمى بمحدثكشان، قعطنطينيه، 1269/1825. Арабская графика допускает вариативность чтения заглавия, что и отражается в литературоведческих работах: Aksoy Ömer Asim. «Mihnetkeşan» mi, «Mihnet-i Keşan» mi? — TD, 1955, с. V, N 51, p. 148—149. Мы присоединяемся к его верному замечанию о том, что «поэт, несомненно, выбрал [это] заглавие, имея в виду [возможность] его двойственного понимания», подтверждение чему находим в самих стихах (с. 70, стр. 14 св.; кстати, по такому же принципу сочинение цитируется и далее). По-русски мы предпочитаем называть книгу «Страдания в Кешане».

² Tansel Fevziye A. 1) Keçecizade İzzet Molla, — 60. değüm münasebetiyle Fuad Köprülü armağanı, İstanbul, s. 131—151 (далее — Тансель. Кечеджизаде Иззет); 2) İzzet Molla — «İslâm ansiklopedisi», t. V, cüz 54, İstanbul, 1953, 1264—1267 (далее — Тансель. Иззет Молла); Тапрнар Ahmet Hamdi XIX. asir Türk edebiyatı tarihi, c. I, İstanbul, 1956, p. 46—47, 54—60.

³ Гарбузова В. С. Гражданская тема в творчестве Иззета Моллы. — В кн.: «Филология и история тюркских народов. Тезисы докладов. Тюркологическая конференция в Ленинграде». Л., 1967.

⁴ Гарбузова В. С. Поэты Турции XIX века. Л., 1970.

⁵ Биографию Иззета Моллы см.: Гарбузова В. С. Поэты Турции, с. 11—14.

⁶ Тансель. Иззет Молла, 1265.

⁷ Не случайно О. Ш. Гёкйай причисляет ее к путевым запискам: Göküay Orhan Şaik. Türkçede gezi kitapları. — TD, 1973, с. 27, № 258, p. 461, а И. Олгун — к автобиографическим воспоминаниям (Olgun Ibrahim. Anı türü ve Türk edebiyatında anı. — TD 1972, с. 25, № 243, p. 414).

⁸ Гарбузова В. С. Поэты Турции, с. 13.

⁹ Тансель. Кечеджизаде Иззет, с. 149.

¹⁰ Ювичев А. Д. История Турции, II. Новое время, ч. I. Л., 1968, с. 273.

¹¹ Тансель. Иззет Молла, 1266.

¹² Например, Тансель, Иззет Молла, 1265.

¹³ Метафора, возникшая из легендарного представления древних о том, что Земля покоится на Быке.

¹⁴ Menzel Th. İzzet Molla. — EI, Bd. II, Leiden—Leipzig, 1927, S. 611; Płaskowicka-Rymkiewicz, Borzęcka M., Łabecka—Koecher. M., Historia literatury tureckiej. Wrocław, 1971, p. 169; Тансель. Кечеджизаде Иззет, с. 147; и др.